

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ МИФ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И АРХЕОЛОГИЯ

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 января 2024 г.

Аннотация: целью данного исследования является анализ содержания, достоверности, исторического и идеологического аспектов представлений древних греков о своем происхождении, нашедших отражение в их мифах с учетом мифопоэтического мировоззрения и различных «теорий», использовавшихся в древних дискурсах для конструирования этноса древних эллинов и его важнейших признаков в контексте данных археологии.

Ключевые слова: миф, этногенез, теория этнонаций, исторический и историографический факты, культ и ритуал.

Abstract: the purpose of this study is to analyze the content, reliability, historical and ideological aspects of the ancient Greeks' ideas about their origin, reflected in their myths, taking into account the mythopoetic worldview, various «theories» of the construction of the ancient Hellenic ethnos, its most important features in the context of archaeological data.

Key words: myth, ethnogenesis, theory of ethnonations, historical and historiographical facts, cult and ritual.

Этногенетический миф древних греков – это отложившаяся в общественном сознании, отличавшаяся значительным разнообразием и развивавшаяся в пространстве и во времени система их древнейших представлений о происхождении и ранних этапах своей истории как культурной, языковой и этнической общности [1; 2, с. 296–299]¹.

¹ Существуют две основные концепции происхождения этногенетического мифа: мифогенная и гносеогенная. Каждая из них рассматривает происхождение этноса практически одинаково – как генезис представлений по этому вопросу в общественном сознании населения конкретного исторического периода. При этом речь идет о генезисе основополагающих идей. Сам процесс генезиса предстает как переход «от мифа к логосу» (или в современном понимании – от мифа к истории). Эта формула и является общей для всех концепций. Самое важное – понимание того, что этногенетические мифы представляют собой целый комплекс отложившихся, постоянно развивавшихся, но сохраняющих важнейшие элементы исторической памяти народа представлений. При этом они составляют единый комплекс соподчиненной иерархии, пересекающихся друг с другом аспектов: миф об автохтонности, идею необычайной древности этнической культуры и языка, миф о прародине, проекцию современных этнополитических границ как можно дальше в прошлое, миф о лингвистической преемственности, идентификацию этнической группы с конкретным языком, миф об «этнической семье», идею, что территория «своего» этноса является местом формирования также родственных или «дочерних» этнических групп, отделившихся затем на другие земли, миф о славных предках, идентификацию этнических предков с «прославленным» народом, известным из древних письменных или фольклорных источников, миф о культуртрегерстве, претензию на исторический приоритет в области культурных, включая письмен-

Ее основа сложилась после решающих побед над персами в середине V в. до н. э., нашла обоснование в труде Геродота и, испытывая разнообразные влияния, продолжала развиваться античными авторами эллинистическо-римского времени, дополнявшими общую картину неизвестными ранее данными [3, с. 110; 4, с. 476].

Изучение картины этих представлений в специальной литературе, начало которым положил К. О. Мюллер [5], имело своим следствием складывание скептического подхода к содержащейся в разнотипных источниках информации, в особенности в оценке ее исторической достоверности. К настоящему времени, отображая основные направления источниковедения, в историографии античности существуют самые разные трактовки данной проблемы. Их амплитуда охватывает диапазон противоречивых мнений ученых – от негативных оценок имеющихся свидетельств античной традиции и эпиграфических источников до критического отношения и абсолютизации отраженной в этом мифе исторической дей-

ность, или политических, включая государственность, достижений предков в сравнении с предками соседних народов, миф об этнической однородности, преувеличение этнической консолидации в прошлом, игнорирование множественности компонентов формирующейся общности, миф о враге, создание образа иноземного «врага», в борьбе с которым укрепляется единство этноса; миф об этническом единстве, в рамках которого для его создания причисляются иные этнические группы. Этногенетический миф может рассматриваться в качестве варианта мифологизированной истории на основе объяснения происхождения «своего» этноса и соседних народов [2, с. 296 и др.].

ствительности [6, с. 68–70; 7, р. 77–96; 8; 9, с. 224–234].

Сложившаяся в исследовании проблемы ситуация определяется как пониманием специалистами сущности мифа, отраженной в нем информации и ее исторической достоверности, так и оценкой самого типа мировоззрения древних греков, восприятия им современных ему социально-экономических и политических реалий, геополитических потребностей античных государств и культурных инноваций. К этому следует добавить и противоречие, которое сложилось во взглядах ученых относительно самого понимания природы и сущности мифа.

Является ли он объективно сформировавшимся в общественном сознании древних греков представлениями относительно их собственного происхождения, родства и отличий с другими, родственными, но различавшимися в силу исторических обстоятельств по языку и культуре этносами? Или же миф – постоянно развивающаяся субстанция, которая как информационный блок, содержащий информацию о далеком прошлом, постоянно подвергается модернизации в соответствии с экономической, политической или культурной конъюнктурой?

Особенно показательно влияние на специалистов-антиковедов, оказываемое сторонниками современной теории этнонаций, доказывающих извечное господство как в древних, так и современных обществах этнополитических мифов [10, с. 43; 11, с. 81–82]. В значительной степени они сказались на оценках отображенных в этногенетических сказаниях древних греков представлений о своей этнической идентичности, что рельефно представлено в публикациях, тематика которых связана с анализом и интерпретацией мифов об общем происхождении (сингении) древних греков с другими народами (скифами, персами, карийцами, ликийцами и др.) [12, с. 65; 13; 14, р. 99, 163; 15, 205–223]².

Основная причина существования взаимоисключающих подходов в свое время была объяснена Ю. В. Андреевым [18, с. 24–25]. Поэтому в самом начале нашего сообщения сделаем сразу несколько весьма важных и принципиального порядка замечаний.

1. Долгое время в науке не было разработано, да и не разработано до сих пор единой теории мифа. Миф интерпретируется как восстановление реаль-

ности, переосмысление идей или как поле динамической сигнализации [19, р. 151–162]. Наша трактовка несколько иная. Миф – это связанный с культовым ритуалом и религиозными обрядами, передававшийся из поколения в поколение (и записанный позднее) рассказ о прошлой истории этноса, родословная которого сливалась с преданиями о его богах-покровителях и отцах-основателях (эпонимах).

2. Исторический факт – объективная реальность. Либо познанная, либо которую предстоит познать [18, с. 25].

3. Исторический факт и историографический факт – близнецы. Историографический факт – это научно-познавательный образ исторического факта в сознании историка. Эти два понятия нельзя ни отождествлять, ни отрывать друг от друга [там же, с. 26].

4. Имя эллинов в древности обозначало не весь народ, а только на юге Фессалии, в области Фтиотиды, все остальные носили имена ахейцев, данайцев, аргивян. Главное для Фукидида – они не составляли одного народа [там же, с. 164].

5. Схема происхождения греков от потомков Эллины, сыновей Ксуфа, Эола и Дора – носит искусственный характер [там же, с. 165].

6. Взгляд древних греков в прошлое – парадигма окружавшей их современной действительности. Эта негативная оценка присутствует в трудах как отечественных, так и зарубежных специалистов [14, р. 163; 20; 21, с. 16; 22, с. 79; 23, р. 240–280; 24].

Эти принципы мы и положим в основу рассмотрения проблемы. При этом ее базовыми критериями станут принцип историзма и критерии, имеющие отношение к мифу как донаучному объяснению мира и форме существования древних обществ [25, с. 6]. При этом будем постоянно придерживаться мысли, высказанной в самом начале изучения проблемы ее основоположником: «В греческих мифах две традиции. Одна отложилась в общественном сознании как повествование о далеком прошлом. Вторая (в виде различного типа слов, понятий, этнонимии и ономастики) сохранила следы их древнейшей, включая этногенез, истории» [5, р. 22]. К такому пониманию следует добавить также и определяемый господствующей (античной) формой собственности дуализм древнегреческого мировоззрения и выявление специалистами (археологами, лингвистами и историками) двух волн миграций греков на Балканский полуостров, которые, предшествуя колонизации дорийцев, имели место на рубеже XX–XIX, XVII–XVI вв. до н. э.

Эти процессы нашли отображение в греческих этногонических мифах, в центре внимания которых находилась истории «отцов-основателей» отдельных как греческих, так и негреческих племен: Пеласга, Даная, Кадма и Пелопса. Обращение к их рассмотре-

² Существуют и альтернативные подходы. Относительно родства персов и греков Л. Е. Паттерсон высказывает соображение об их потенциальной возможности (точнее, соответствии традиционной ассоциации (Herod., VII, 150) [16, р. 51]. Таких же соображений придерживается и П. Ваничелли. Он считает, что Геродот в своем повествовании о персах опирается как на генеалогическую традицию персов, так и на мифологические предания греков [8, р. 37; 17, р. 255–268].

нию продиктовано тем местом, которое они занимали как в общественном сознании древних греков, так и в их представлениях о своем происхождении и ранних этапах истории.

Этот пласт исторической информации сохранился в тех фрагментах, которые остались от труда Гекатея Милетского – создателя древнейшей географической карты «мира» [26, с. 53–71]. Видевший ее (или слышавший о ней) Геродот засвидетельствовал, что на ней были изображены «реки все и моря все» (Hecat. FGrHist. 1. F 36 a-b). Возможно, это была та же карта, с которой инициатор Ионийского восстания Аристарх обратился за помощью к Спарте. Самое же важное: данные Гекатея отображают интересующий нас аспект.

Во-первых, античный автор сообщает о Пелопоннесе как стране, населенной исключительно варварами [там же, с. 61]. Во-вторых, он переносит высказанное соображение и на оценку этнического состава населения Эллады в древности в целом. Основаниями этому для него являются упоминания о переселениях многочисленных народов: о Пелопсе, приведшем с собой народ из Фригии в ту область, которая в его честь была названа Пелопоннесом. О Данае, пришедшем из Египта, о дриопах, кавконах, пеласагах, лелегах и других племенах, заселивших земли как к северу, так и к югу от Истма. Аттикой, по его данным, обладали фракийцы, пришедшие сюда с Эвмолпом, а фокидской Давлидой – народ Терей.

Среди других варваров в Греции Гекатей называет финикийцев, заселивших с Кадмом Кадмею³. Особый интерес представляет его свидетельство, согласно которому Беотией завладели аоны, теммики и гианты. Опираясь на ономастикон Македонии, Фессалии, Этолии и Эпира (имена Кекроп, Кодр, Экл, Коф, Дримас и др.), засвидетельствовавший проживание на этих территориях потомков древних варварских племен, он указывает, что значительные части этих областей населяли фракийцы, афаманы, кассопеи, молоссы и феспроты (Hecat. FGrHist. 1. F119 = Strab. VII. 7. 1).

Как видно из этого фрагмента, Гекатей придерживался того же взгляда, что и позже Геродот: «варвары» не имеют никаких принципиальных отличий от эллинов, у тех и других – общее происхождение. По мнению И. Е. Сурикова, важность свидетельств Гекатея состоит в том, что фрагмент, иллюстрирующий картину Греции до прихода в нее греков, «демонстрирует интерес античного автора к древнейше-

му расселению племен на территории Греции, т. е., как бы мы выразились теперь, к этногенезу эллинов в его географическом, пространственном аспекте» [там же].

С нашей точки зрения, информативность данных Гекатея состоит в самой фиксации античным автором этногенетических представлений, сформировавшихся ко времени греческой архаики. Они засвидетельствовали длительное сосуществование различных этнических групп даже на небольшой территории, которое сохранялось и приводило к жестоким этническим столкновениям, что и нашло отображение в сообщениях Геродота об изгнании тирсенов, лелегов и карийцев с заселяемых ими земель эллинами. Это последнее выступает свидетельством незавершенности процесса этногенеза древних греков ко времени классики, когда, казалось бы, наличие общего языка, идеологии и культуры, ассоциировавшихся с этнонимом «эллины», понимание общности с варварами и смешанного с ними происхождения предков сохранялось в конкретных генеалогиях древних греков.

В указанном отношении одним из важных так называемых негреческих компонентов (относимой специалистами к негреческой стемме, но по сути отображающей процесс распространения греков на Балканах после миграции с первоначальной прародины в Восточной Европе) выступает засвидетельствованная названием одноименной реки родословная рода Инаха, потомки которого проживали в Афинах и Фивах в V в. до н. э. То же самое можно сказать о Данае и Кадме. Их генеалогии продолжали существовать как на Пелопоннесе, так и в Фивах. При этом потомки этих родов продолжали сохранять память об этом даже в классические времена. Что касается афинян, то они тяготели к пеласгическому происхождению, хотя на периферии общественного сознания на уровне долговременной памяти сохранялось представление об их родстве с гиперборейцами, название которых отложилось в имени одного из территориально-административных и родовых подразделений (Гиперборейской филы) полиса.

Выявленная закономерность, как нам представляется, позволяет реконструировать процесс этногенеза греков по их собственным представлениям, отложившимся в сказаниях о предках-эпонимах и отцах-основателях. Оставляя в стороне другие важные свидетельства⁴, полагаем возможным (в этом убеждают результаты произведенного нами анализа), что целостная картина представлений по этому вопросу нашла отражение в труде Геродота, одним из первых в истории выработавшего критерии определения по-

³ Заселение Кадмеи, приписываемое античной традицией, начиная с Гекатея, финикийцами, на самом деле отображает пути прохождения пра-греков через Восточное Средиземноморье, один из которых был связан с той волной, которая через о. Фера попала на Пелопоннес, тогда как другой из них привел еще одну волну мигрантов в Грецию через Египет.

⁴ Им посвящена специальная глава в готовящейся к изданию в издательстве «Алетейя» монографии «Инды за Фракией, исконные эллины и гипербореи».

нения «этнос» и, очевидно, применившего их к истории этногенеза древних эллинов.

Геродот о пеласагах изложил целостную и полноценную историю, которая отражала многоаспектность и многовариантность линий как этногенеза эллинов, так и самих пеласагов. Первое, что оттеняет его рассказ о пеласагах, заключается в констатации их пришлого характера на Балканах, сосуществование и смешение с новыми пришельцами – греками. Называет «отец истории» и некоторые нюансы. Так, ионийцы, по его данным, были пеласгийского происхождения, а дорийцы – эллинского. Более того, он указывает, что население Фтиотиды до переселения в Гестиотиду разговаривало на языке дорийцев, подтверждая тем самым заключения современных лингвистов о древнейшем дорийском диалекте греческого языка. Вообще эллинов-дорийцев он считает мигрантами, которые переселялись по Греции. В частности, он сообщает, что из Гестиотиды они были изгнаны на Пелопоннес кадмейцами и что полуостров был их исконной родиной. И еще одно важное обстоятельство. Судя по Геродоту, областью расселения дорийцев-эллинов до поселения во Фтии была Дриопида. Иными словами, дорийские эллины, если наше понимание свидетельства античного историка является верным, носили название «дриопов» (Herod., I, 52).

И это обстоятельство позволяет по-иному отнестись к сумме данных, сохранившихся о них в античной традиции.

Свидетельства «отца истории» весьма симптоматичны и относительно языка, культуры, этноса и этнокультурных контактов пеласагов. В продолжение своего рассказа он указывает, что в его время пеласги проживали в городе Крестоне, который находился севернее области тирсенов, проживавших в Фессалии (I, 57). Их ближайшими соседями были эллины-дорийцы. Тогда же часть пеласагов соседствовала с греческими поселениями на Геллеспонте⁵. В связи с этим Геродот специально акцентирует внимание на том, что первоначальное население Аттики было пеласгическим и только после смешения с эллинами изменило свой варварский язык и культуру. К этому он добавляет мнение, согласно которому до своего объединения с пеласагами племя эллинов было многочисленным, что указывает как на языковое родство греков и пеласагов, так и на смешение греков-пришельцев не только с пеласагами, но и с другими народами (например, тирсенами) (I, 58). Справедливости ради следует отметить, что и пеласагов до соеди-

нения с эллинами Геродот считал незначительной народностью. Из его рассказа проясняются религиозные представления пеласагов. Геродот сообщает, что один из древнейших оракулов Эллады – оракул Зевса в Додоне – первоначально принадлежал пеласагам. Жертвоприношения в нем производились служителями храма (селлами) сначала безымянным богам (θεοι), которым впоследствии (по совету того же оракула) пеласги присвоили имена, заимствованные из Египта. Особо «отец истории» подчеркнул факт позднего вхождения Диониса в пантеон богов пеласагов. Египетские имена и ритуал, по убеждению Геродота, от пеласагов заимствовали и эллины (Herod., I, 52).

Далее из рассказа Геродота мы узнаем о набегах пеласагов Лесбоса (по Геродоту, они населяли и соседние острова – Лемнос и Имброс), изгнавших с острова минийцев – потомков аргонавтов – на Аттику, и похищении ими тамошних женщин из Браврона. Эти пеласги жили в области Гиметта, находились в разнообразных отношениях с афинянами, помогли построить им стену вокруг Акрополя, но все-таки были изгнаны из Аттики на остров. Геродот снова свидетельствует о практике межплеменных браков между афинянами и пеласагами. При этом в рассказе об убийстве пеласагами сыновей аттических женщин мы узнаем, что Фоант (впоследствии царь Лесбоса, которому дочь сохранила жизнь) имеет аттическое происхождение (VI, 138–139). Другое важное свидетельство Геродота – рассказ о возвращении потомков аргонавтов на Пелопоннес. Он указывает на имевшееся в прошлом противоречие между греками-дорийцами и минийцами на предмет колонизации Пелопоннеса. «Возвращение» потомков аргонавтов в Лаккедемон свидетельствует о родстве населения Орхомена и Иолка с племенами предгорий Тайгета, который спартанцы считали своей первоначальной прародиной (Herod., I, 145; II, 26; III, 137).

Наконец, самыми важными следует признать два ставящих все на свои места свидетельства Геродота об ионийцах и афинянах. В первом из них он сообщает, что во времена до прихода Даная и Ксуфа на Пелопоннес там, в области Ахея, проживали ионийцы, которые назывались пеласагами и эгиалеями (VII, 94). Второе из них затрагивает непосредственно афинян. «Что до афинян, – пишет Геродот, – то они в то время, когда пеласги владели так называемой ныне Элладой, были пеласагами и назывались кранаями. А при царе Кекропе их называли кекропидами. Когда же затем царем стал Эрехтей, они получили имя афинян и, наконец, по имени их предводителя Иона, сына Ксуфа, – ионян» (VIII, 44). Иными словами, «отец истории», во-первых, знакомит нас с длительным процессом формирования этнонимии населения Аттики, а во-вторых, не оставляет сомнений в родстве

⁵ В общественном сознании греческих полисов эпохи архаики местами расселения пеласагов рассматривались земли по обеим сторонам Геллеспонта (как в европейской, так и в азиатской его частях). Это свидетельство можно рассматривать как указание на Причерноморский адрес прародины самих древних греков.

пеласгов и древних греков, называвших себя эллинами.

Из этого – начало нового направления (и одновременно этапа) в сопоставлении известий античных авторов с данными, которые выявила современная археология.

Состояние ее изученности во многом пересекается с исследованиями в области поиска очага происхождения (прародины) индоевропейцев и потому отличается дискуссионностью самых различных аспектов. Амплитуда разброса мнений специалистов разных областей знания охватывает географическое и историческое пространство от Пиренеев, Балкан, Ближнего Востока, Малой Азии, Понто-Каспийских степей до Индии [27; 28; 29, с. 202–220; 30]. Более того, к настоящему времени сложилось убеждение, согласно которому «мало остается чего-то такого, что в целом все же говорит о правильности южного направления поисков прародины» [31, р. 11]. И все-таки выработанная более полувека назад Понто-Каспийская гипотеза на фоне растущих фактов историко-культурного и лингвистического порядка в своем модернизированном виде в науке нашего времени становится одной из самых основных [32, р. 8–14].

И еще одно обстоятельство должно быть отмечено. Речь идет о предметах конской узды – щитовидных и трубчатых псалиях, которые в исследованиях последних десятилетий приобрели важнейшее значение в качестве археологических, отображающих историческую информацию источников [33, с. 64]⁶. Они-то и позволили выявить картографию основных маршрутов основных волн миграций разнотипных скотоводческих групп эпохи средней и поздней бронзы как на восток, так и в особенности на запад.

Исторические закономерности отделения скотоводства от земледелия и выделение пастушеско-скотоводческих племен в Центральной Евразии сопровождалось распадом праиндоевропейской (далее – ПИЕ) языковой общности, отдельные ветви и семьи которой материализовались в археологических культурах населения ее степных и лесостепных областей в эпоху средней и поздней бронзы (2600–1750 гг. до н. э.) [35; 36, р. 51–52].

Происходившие в это время под воздействием естественно-географических предпосылок и исторических условий [37, р. 1–7] революционные преобразования (выделение скотоводческих племен, до-

местикация лошади, рождение металлургии бронзы, появление колесного транспорта) проявились в рождении экономики и социально-политической стратификации скотоводческих обществ с различной степенью их интеграции в составе разнотипных этнокультурных образований (вожеств).

Острая потребность в освоении разнообразных сырьевых источников (металла и пастбищ), изменения климатических условий, давление демографии на производительные силы общества, сокращение поголовья скота и пастбищных угодий оказывали существенное воздействие на поиск племенами пастушеских скотоводов средств существования за пределами уже освоенной зоны их обитания в степных и лесостепных областях Восточной Европы [35, р. 72–74]⁷. В условиях господства экстенсивных форм производства, сокращения совокупного общественного продукта и его распределения это в конечном итоге имело своим следствием начало расселения обитавших в ней племен и отдельных племенных групп в диаметрально противоположные концы Евразийских просторов. Географию миграций пастушеско-скотоводческих племен определяли диаметрально противоположные маршруты как в юго-западном, так и в северо-восточном и восточном направлениях [38, р. 68–69, 77; 39, р. 43–84].

Первая волна мигрантов состояла из носителей Репинской и Ямной культур Днепро-Донского междуречья, Средней Волги и Прикаспия [40, с. 10–24; 41, с. 96–98]. В своем движении на восток она достигла Саяно-Алтайских предгорий, где ее представители стали основоположниками Афанасьевской культуры [28, с. 77–106]. Другой их поток достиг Таримского бассейна, принеся в новые места обитания сходные с восточно-европейскими типы боевых топоров и специфический курганный погребальный обряд, но сохранив черты присущей им материальной и духовной культуры [42, с. 131–132; 43, с. 122–126; 44, р. 9–10; 45, р. 44–53]. С точки зрения лингвистики, указанных мигрантов связывают с носителями тохарского и индоарийского языков, из которых тохарский язык в процессе распада ПИЕ общности был вторым по очереди после лувийского, с которыми специалисты связывают археологические культуры Средний Стог I–II в Восточной Европе [46, с. 8–31, 222–270].

Вторая волна миграций из Восточной Европы как на северо-восток, так и на юго-запад Евразии документируется распространением памятников носителей ямной, катакомбной и абашевской археологических культур средней и поздней бронзы [33, с. 64–81;

⁶ Наглядный пример функциональной классификации представляет собой работа А. Д. Пряхина и В. И. Беседина. Тандем двух ученых привел к инновационным выводам. Они предположили, что в Восточной Европе на заключительном этапе среднего бронзового века существовали две устойчивые традиции в изготовлении роговых и костяных псалиев: Доно-Волжская (абашевская культура) и Южноуральская (синташтинская культура) [34, с. 22–27].

⁷ Установлено, что, начиная с эпохи неолита, направления миграций в Центральной Евразии носили разновекторный характер и подчинялись «синдрому маятника» [35, р. 3].

47, с. 144–154; 48, с. 33, 50; 49, с. 361–378]⁸. С интересующей нас точки зрения они демонстрируют способность соприкосновения и инфильтрации присутствующих ей элементов в другие археологические культуры Восточной, Юго-Восточной Европы и Центральной Азии, демонстрируя их влияние, сосуществование и смешение в материальной культуре других как синхронных, так и диахронных по времени культурных общностей, проявляя тенденцию к смешению, господству и гибридизации на пути длительных миграций ее носителей на далекие расстояния (Северо-Западная Индия, Иранское нагорье, Балканский полуостров) [51, р. 60–89; 52, р. 85–101]. Орнаментация, типы и формы керамических сосудов, использование пароконных колесниц, произведения изобразительного искусства, распространение которых они демонстрируют, указывают на расположение исходного пункта (как и определяющего импульса) миграционного движения в Донецко-Донском и Доно-Волжском междуречье. Исследования памятников катакомбной и бабинских культур на сопредельных Среднедонскому очагу территориях свидетельствуют в пользу такой гипотезы [39, р. 43–48; 53; 54, с. 108–122]. В частности, миграция носителей абашевской культуры из Доно-Волжского междуречья способствовала продвижению восточноевропейского компонента на Южный Урал и в Зауралье [39, р. 43–48; 55, с. 9–10]. Здесь происходит рождение новых, сходных с абашевской (и сложившихся под воздействием ее импульсов на местной основе) культур Аркаима-Синташты, носители которых, возможно, являлись ведийскими ариями [56, с. 83; 57, р. 58]. Дальнейшая история этих массивов населения (связанная в том числе и с миграциями через Кавказ и Среднюю Азию) проявлялась в образовании культур и цивилизаций как на пути переселений на Иранское нагорье и в долину Инда (Бишкентская, Вахшская культуры, Сапалли, БМАК и др.), так и на территориях новой родины этих мигрантов (Сват, культура могильников Санаули). С историческими судьбами носителей этих культур связано появление дардов и тохар в предгорьях Тибета, индоариев в долине р. Инд и иранцев в долинах Эльбурса [28, с. 77–106; 58; 59; 60, р. 353].

То же самое наблюдается и в развертывании западного вектора, на реальную возможность которого в свое время указывал Ю. П. Матвеев [6, с. 5–14]. И хотя в последнее время С. А. Григорьев выставил целый ряд аргументов, доказывающих, по его мнению, расположение прародины носителей культур Синташты-Аркаима на Ближнем Востоке, рекон-

⁸ По мнению одного из исследователей, это была эпоха попеременной власти и экспансии свергавших друг друга орд-элит, «родство» которых состояло в использовании сходных инструментов и символов власти [50, с. 163].

струкция им картины этногенетических процессов эпохи средней и поздней бронзы в степи и лесостепи Евразии начисто отвергает присутствие степного евразийского компонента в материальной культуре протогреков на Балканах [30, р. 100, 103; 33, с. 64–81; 39, с. 48]. Тем самым им отвергается сама возможность существования западного вектора миграций греков, в пользу которого высказывались лингвисты, историки и археологи [3; 6; 22; 61; 62]. Более того, накопление конкретных фактов в современной науке (в особенности относительно места, времени, территорий и исторической роли Сейминско-Турбинского феномена) в очередной раз подтверждает верность ранее сформулированной концепции, согласно которой культуры ведийских ариев Индии и древних греков Фессалии, Македонии, Эпира и Аттики – результат смешения и взаимодействия, синкретизма и гибридизации пришлых пастушеско-скотоводческих культур степи и лесостепи Евразии с обитателями Индостана и Балкан, с которыми они пришли во взаимодействие в ходе завершения своих разнотипных (и множественных) миграций [31, р. 217–218; 63, с. 53–70; 64, с. 37–39]. Как писал по этому поводу А. И. Немировский, «отправились в путь прадеды, перешли Гиндукуш правнуки» [65, с. 252].

Понятно, почему заселение Балканского полуострова и островов Эгеиды смешанным греко-фрако-фригийским и индо-арийским (а возможно, и иранским) населением специалисты разных наук предпочитают рассматривать в рамках одного и того же исторического процесса [66, р. 258–260, 361–389]. Он развивался на разных этапах Средне- и Позднеэллинистического периодов (2200–1750 гг. н. э.) и имел, несмотря на существующие попытки его удревнения или омоложения специалистами [67, р. 38], непосредственное отношение к миграциям носителей археологических культур Средний Стог II, Новоданиловская, Ямная, Катакомбная и Абашевская (Бабинская), развивавшихся в условиях резких климатических изменений в Центральной Евразии в 2200–1600 гг. до н. э. [68, с. 222–239; 69, с. 7, 12, 16; 70, р. 632; 71, р. 75, 89; 72, р. 1–4].

Многочисленные факты сходств в погребальном обряде, архитектуре, конструкции и обустройстве могил колесничных воинов, постановка изобразительных стел на вершинах курганных насыпей, практика захоронения лошадей, родство микенских и индийских мечей (могильник Санаули), одежда и воинский доспех – тому подтверждение [73, р. 175–198]. Предполагается, что именно эти степные компоненты оказали влияние на формирование до нашей эры культуры предков ведийских и авестийских ариев, древних эллинов, и возможно, присутствовавших в составе тех и других этрусков-тирсенов, контактировавших с предками кельтов, германцев, славян

и балтов в период до переселения в места своего нового проживания [74, р. 334–347]. Последнее закономерно проявилось в единстве представлений древних греков, ариев и этрусков о расположении их прародин на Севере, обитании некогда в приполярных областях (Шветадвипа, Ариана Вайджо, Гиперборея). Это является дополнительным аргументом в пользу доказательства историчности данных античной традиции о гипербореях и Гиперборее, месте представлений о них в связи с объяснением своего собственного этногенеза. Древние греки эпохи классики опирались на рудименты реликтовой долговременной памяти о своем далеком прошлом, генетически сохранявшейся в их мифопоэтическом сознании.

Если вернуться к археологической трактовке этногенетического мифа древних греков, то следует отметить появление в самое последнее время новых фактов и концепций. Н. Н. Парцером доказано наличие двух диалектов языка греков-мигрантов на Балканы – дорийского и ионийского, что совпадает с оценками, которые в свое время были даны «отцом истории» [75, р. 431, 460]. Аналогичного порядка выводы характеризуют современное состояние представлений относительно концепции этногенеза, согласно которой истоки этноса, языка и культуры этноса несут различный характер своего происхождения (И. М. Дьяконов). Исследования последнего времени указали на возможность, во всяком случае, для древних греков, их восхождения к единому источнику. По мнению И. Лазаридиса, «греческий, армянский и санскрит восходят к скотоводам Ямной степи., которые приблизительно 5000 лет назад положили начало цепи миграций по Евразии» [76, р. 9]. Наконец, необходимо обратить внимание на оценку, которая снимает скептицизм С. А. Григорьева во взглядах на природу, хронологию и аккультурацию и направления прихода индоевропейских мигрантов в Древнюю Грецию. По мнению современных зарубежных специалистов, новейшие исследования показывают связь между степями Евразии и Балканами. Это имело своим следствием присутствие данного компонента в Эгейском регионе, в том числе и в микенский период. Подтверждена его связь с культурами ранних скотоводов – носителей ямной и других культур бронзового века. При этом специалисты особо подчеркивают опосредованный, а не перманентный, привносимый волнами новых степных мигрантов, его характер [35, р. 74; 72, р. 3; 77, р. 209].

ЛИТЕРАТУРА

1. Курс лекций по философии. – URL: <http://www.mylect.ru/filosofi/textfilosofi/136-2011-06-04-02-32-30.html?start=27>
2. Домашев А. Н. Миф в структуре самосознания этнической общности / А. Н. Домашев // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 3 (64).
3. Писаревский Н. П. Греко-арийские параллели III. Эллинская версия этногенеза скифов / Н. П. Писаревский // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2018. – № 1.
4. Скржинская М. В. Происхождение двух этногенетических мифов в Скифском логосе Геродота / М. В. Скржинская // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 20–22 июня 2011 г. – СПб., 2011.
5. Müller K. O. The History and Antiquities of The Doric Race / K. O. Müller; Translated from the German by Henry Tufnell and George Cornewall Lewis. Vol. 1. – London, 1839.
6. Матвеев Ю. П. О векторе распространения «колесничных» культур Евразии / Ю. П. Матвеев // РА. – 2005. – № 3.
7. Shea J. The Myth of Greek Ethnic «Purity» / J. Shea. – Macedonia and Greece, 1997. – URL: <https://www.historyofmacedonia.org/AncientMacedonia/greekmyth.html>
8. Leach B. D. Carian Greeks and Greek Scythians : The Hybridity of Greek and Barbarian Identity in Herodotus' Histories / B. D. Leach. – 2017. – URL: https://digitalrepository.unm.edu/fl_etds/122
9. Finkelberg M. Greeks and Pre-Greeks. Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition / M. Finkelberg. – Cambridge, 2015.
10. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. – М., 2004.
11. Даллакян К. С. Этнонация и этнополитический миф / К. С. Даллакян // Власть. – 2015. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonatsiya-i-etnopoliticheskij-mif-1>
12. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1978.
13. Boardman B. Ancient uses of the past. The archaeology of nostalgia : how the Greeks re-created their mythical past / B. Boardman. – London, 2002.
14. Varto E. K. Early Greek kinship / E. K. Varto. – Vancouver, 2004.
15. Mitchell L. G. Greeks, Barbarians and Aeschylus' «Suppliants» / L. G. Mitchell // Greece & Rome. – 2006. – Vol. 53, No. 2.
16. Patterson L. E. Kinship Myth in Ancient Greece / L. E. Patterson. – Austin, 2010.
17. Vannicelli P. The Mythical Origins of the Medes and the Persians Get access Arrow / P. Vannicelli // Myth, Truth, and Narrative in Herodotus / ed. by Emily Baragwanath and Mathieu de Bakke. – Oxford ; New York, 2012.
18. Андреев Ю. В. История и миф / Ю. В. Андреев. – СПб., 2018.
19. Maroulis D. Interpretations of the ancient Greek mythology / D. Maroulis // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2018. – № 1 (212).

20. Алексеев К. А. О ранних этапах этногенеза древних греков / К. А. Алексеев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 12 (126).
21. Подосинов А.В. Северная Евразия на античных и средневековых картах / А. В. Подосинов // Северная Евразия в картографии античности и средних веков. – М., 2017.
22. Писаревский Н. П. Мифы греков о начальных этапах своей истории и данные современной археологии / Н. П. Писаревский // Тезисы Всероссийской научной конференции «Историк и текст : к 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина» (20–22 декабря 2023 г.). – М., 2023.
23. Ulf Chr. Griechische Ethnogenese versus Wanderungen von Stämmen und Stammstaaten / Chr. Ulf // Wege zur Genese griechischer Identität : die Bedeutung der früharchaischen Zeit / Hrsg. von Christoph Ulf. – Berlin, 1996.
24. On the origin of the Greeks – The Graeco-Armeno-Aryan family and the origin of the Indo-European languages. Posted by Sjur Cappelen Papazian on October 1, 2018. – URL: <https://aratta.wordpress.com/2018/10/01/on-the-origin-of-the-greeks-the-graeco-armeno-aryan-family-and-the-origin-of-the-indo-european-languages/>
25. Немировский А. И. Мифы древности. Научно-художественная энциклопедия. Эллада / А. И. Немировский. – М., 2000.
26. Суриков И. Е. Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский. «Европа» / И. Е. Суриков // ПИФК. – 2019. – Вып. 3.
27. Григорьев С. А. Древние индоевропейцы / С. А. Григорьев. – Челябинск, 2015.
28. Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии / Л. М. Сверчков. – Ташкент, 2012.
29. Семенов А. А. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана / А. А. Семенов // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014–2015 гг. / отв. ред. Н. А. Дубова. – М., 2018.
30. Grigoriev S. Archaeological Cultures of the Near East and Northern Eurasia In Light of the Indo-European Problem / S. Grigoriev // Archaeology & Anthropology : Open Access. – 2018. – Vol. I. – Iss.4.
31. Drews R. Militarism and the Indo-Europeanizing of Europe / R. Drews. – London ; N.-Y., 2017.
32. Antony D. W. Two IE phylogenies, three PIE migrations, and four kinds of steppe pastoralism / D. W. Antony // Вопросы языкового родства. – 2013. – Вып. 9.
33. Григорьев С. А. Колесницы в Балкано-Карпатье, происхождение греков и фракийцев и проблемы исторической Magistra / С. А. Григорьев // Vitaе. – 2021. – № 2.
34. Пряхин А. Д. Конская узда периода Средней бронзы в восточноевропейской степи и лесостепи / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин // РА. – 1998. – № 3.
35. Naak W. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe / W. Naak et al. // bioRxiv. – 2015. – URL: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/013433v1>
36. Hurka H. The Eurasian steppe belt : Status quo, origin and evolutionary history / H. Hurka et al. // Turczaninowia. – 2019. – Vol. 22. – Iss. 3.
37. Ling J. Moving metals IV : Swords, metal sources and trade networks in Bronze Age Europe / J. Ling // Journal of Archaeological Science : Reports. – 2019. – Vol. 26.
38. Поляков А. В. Культурно-исторические процессы на северо-восточной окраине Евразийских степей в эпоху палеометалла / А. В. Поляков // Human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). Vol. 1. – Almaty ; Turkistan, 2022.
39. Grigoriev S. Cultural genesis and processes in Central and Eastern Europe in the 3rd Millenium BC : Yamnaya, Cordedware, Fatyanovo and Abashevo / S. Grigoriev // Journal of Ancient History and Archaeology. – 2022. – № 9.
40. Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками – особый вид погребений среднего бронзового века / М. А. Перцева // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. – СПб., 2018. – (Труды ИИМК РАН. Т. 47).
41. Аванесова Н. А. Эпоха палеометалла Зеравшанской долины в системе евразийских древностей / Н. А. Аванесова // Human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). Vol. 1. – Almaty ; Turkistan, 2022.
42. Солодовников К. Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры : к проблеме происхождения / К. Н. Солодовников // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 17. – М., 2009.
43. Козинцев А. Г. Из степи – в пустыню : ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии / А. Г. Козинцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. – СПб., 2012.
44. Li Ch. Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age / Ch. Li et al. // 2010BMC Biology. – 2010. – Vol. 8. – Iss.1.
45. Mallory J. P. Bronze Age languages of the Tarim Basin / J. P. Mallory // Expedition. – 2010. – Vol. 52. – Iss. 3.
46. Иванов Вяч. Вс. Памятники тохароязычной письменности / Вяч. Вс. Иванов // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. – М., 1992.
47. Борисов А. В. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время / А. В. Борисов, Р. А. Мимоход, В. А. Демкин // КСИА. – 2011. – Вып. 225.
48. Подобед В. А. Погребения с древнейшими псалмиями степной Евразии : социологическая интерпретация / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Уфимский археологический вестник. – 2016. – № 16.
49. Клейн Л. С. Ямная, не ямная / Л. С. Клейн // Stratum plus. – 2017.

50. Головнев А. В. Антропология движения (Древности Северной Евразии) / А. В. Головнев. – Екатеринбург, 2009.
51. Dani Já. The Emergence of a New Elite in Southeast Europe : People and Ideas from the Steppe Region at the Turn of the Copper and Bronze Ages / Já. Dani, B. Preda-Bălănică, Já. Angi // First Kings of Europe. Prehistoric Southeastern Europe / ed. by Attila Gyucha and William A. Parkinson.
52. Preda-Balanica B. The Yamnaya Impact North of the Lower Danube A Tale of Newcomers and Locals / B. Preda-Balanica, A. Frinculeasa, V. Heyd // Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. – 2020. – Vol. 117, № 1.
53. Пряхин А. Д. Доно-Волжская абашевская культура / А. Д. Пряхин. – Воронеж, 2001.
54. Литвиненко Р. А. Культурный круг Бабино : название, таксономия и структура / Р. А. Литвиненко // КСИА. – 2011. – Вып. 225.
55. Жданов В. С. Синташтинская культура (Аркаим). Эскиз «Дорожной карты» к разгадке цивилизационного феномена в древней Евразии / В. С. Жданов // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. – 2018. – № 2.
56. Хохлов А. А. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) / А. А. Хохлов, Е. П. Китов, А. И. Нечвалода // Stratum Plus. – 2016. – № 2.
57. Witzel M. Early 'Aryans' and their neighbors outside and inside India / M. Witzel // JBios. – 2019. – Vol. 44. – Iss. 3.
58. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг / Е. Е. Кузьмина. – М., 2008.
59. Shah B. Hyperborean, Issedones and Vedic Aryans of Prehistory and new findings on related Archeology and Genetics / B. Shah. – URL: https://www.academia.edu/19814780/Hyperborean_Issedones_and_Vedic_Aryans_of_Prehistory_and_new_findings_on_related_Archeology_and_Genetics
60. Parpola A. The Roots of Hinduism : The Early Aryans and the Indus Civilization / A. Parpola. – Oxford, 2015.
61. Писаревский Н. П. Представления греков эпохи классики о своем происхождении и данные современной археологии / Н. П. Писаревский // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 6. Междуречье Днепра и Дона : культурный слой, артефакт, интерпретация / отв. ред. О. Ю. Стародубцев. – Курск, 2023.
62. Санжаров С. Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы / С. Н. Санжаров. – Луганск, 2010.
63. Ковтун И. В. Сейминско-турбинские древности и индоарии / И. В. Ковтун // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 4 (19).
64. Grigoriev S. Origins of the Greeks and Greek dialects / S. Grigoriev // Journal of Ancient History and Archaeology. – 2022. – Vol. 9. – Iss. 1.
65. Немировский А. И. Мифы древности. Индия / А. И. Немировский. – М., 2000.
66. Antony D. The Horse, the Wheel, and Language : How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World / D. Antony. – Princeton, 2007.
67. Pullen D. The Coming of the Greeks / D. Pullen // The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age / ed. by Cynthia W. Shelmerdine. – Cambridge : The University of Texas at Austin, 2010.
68. Григорьев С. А. Проблема доместики лошади на Ближнем Востоке в III тыс. до н. э. / С. А. Григорьев // Уфимский археологический вестник. – 2021. – Т. 21, № 2.
69. Таиров А. Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э. Материалы к историческим реконструкциям / А. Д. Таиров. – Челябинск, 2003.
70. Alexandrovskiy A. L. Chronology of Soil Evolution and Climatic Changes in the Dry Steppe Zone of the Northern Caucasus, Russia, During the 3rd Millennium BC / A. L. Alexandrovskiy // Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43. – Iss. 2B.
71. Velichko A. A. Climate changes in East Europe and Siberia at the Late Glacial-Holocene transition / A. A. Velichko // Quaternary International. – 2002. – Vol. 91. – Iss. 1.
72. Lazaridis I. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe / I. Lazaridis et al. // Nature. – 2015. – Vol. 000.
73. Parpola A. Royal «Chariot» Burials of Sanauli near Delhi and Archaeological Correlates of Prehistoric Indo-Iranian Languages / A. Parpola // Studia Orientalia Electronica. – 2020. – Vol. 8. – Iss. 1.
74. Kristiansen Kr. Re-theorising mobility and the formation of culture and language among the Corded Ware Culture in Europe / Kr. Kristiansen // Antiquity. – 2017. – Vol. 91. – Iss. 356.
75. Parcer H. N. The Liguistic case for the Aiolian migration reconsidered / H. N. Parcer // Hedperia. – 2008.
76. Lazaridis Io. The genetic history of the Southern Arc : A bridge between West Asia and Europe / Io. Lazaridis et al. // Science. – 2022. – Vol. 377, No. 6609.
77. Hard P. The early mythical history of Argos / P. Hard // The Routledge Handbook of Greek Mythology / ed. by Robin Hard. – Abingdon, 2020.

Воронежский государственный университет
Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Voronezh State University
Pisarevsky N. P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology and History of the Ancient World
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru